

Рука Заместителя начальника Чжоу соскользнула с пальцев Цзи Ушуана, черная кровь упала на золотой кирпич, оставив резкий и жуткий мазок.

В зале никто не смел шевельнуться.

Се Чанфэн сидел за ширмой, и даже лакомства в его руках сразу потерялись во вкусе. Он изначально планировал лишь раздобыть где-нибудь утреннюю трапезу, кто же знал, что какой-то заместитель начальника Бюро Астрономии перед смертью решит приплести Северные границы.

Кто-то в армии Северных границ положил на него глаз?

Он, какой-то «дурачок», кому вообще мешал спокойно поесть?

Цзи Ушуан отпустил воротник мертвеца и медленно выпрямился:

— Ли Дэцюань, передай в кабинет министров и военное ведомство войти во дворец. А также отправь Императорскую гвардию в Бюро Астрономии, опечатай склады, заberi списки.

Сердце Ли Дэцюаня ёкнуло:

— Раб повинуетя воле государя.

Вдовствующая императрица подала голос из-за жемчужной занавеси:

— Император, заместитель начальника Чжоу покончил с собой из страха перед наказанием, не факт, что этому стоит верить. Ты поднимаешь на уши весь кабинет министров из-за какого-то наложника-мужчины, это уже через чур.

Цзи Ушуан поднял взгляд на жемчужную занавесь, его тон был до жути ровным:

— Если матушка устала, возвращайся во Дворец Шоуань отдыхать. С тем, что происходит здесь, Гу разберется сам.

Кончики пальцев Вдовствующей императрицы напряглись, четки впились в ладонь, но больше она ничего не сказала.

Спустя полчаса несколько старых министров кабинета поспешно вошли в зал, прибыл и министр военного ведомства Чжао Бинчжан. Ему перевалило за пятьдесят, усы были аккуратно подстрижены, едва переступив порог, он опустился на колени с безупречной выправкой.

— Ваш слуга Чжао Бинчжан приветствует Ваше Величество.

Цзи Ушуан вернулся на трон и не позволил им подняться.

— Были ли в последнее время срочные донесения с Северных границ?

Сердце Чжао Бинчжана упало, но на лице не дрогнул ни один мускул:

— Отвечаю Вашему Величеству, на границе всё спокойно. Хотя на Северных границах наступили холода, так бывает каждый год, никаких из ряда вон выходящих происшествий нет.

Се Чанфэн за ширмой услышал это и нахмурился.

Спокойно?

Хотя он не занимался семейными военными делами, его старший брат Се Чэньчжоу постоянно находился на Северных границах. Незадолго до того, как отправить его во дворец, в поместье как раз получили семейное письмо, в котором говорилось, что в этом году снег на Севере выпал рано и пути подвоза продовольствия уже занесло.

Цзи Ушуан посмотрел на главу кабинета министров:

— Вы тоже ничего не получали?

Глава кабинета на мгновение засомневался:

— За последние десять дней в кабинете министров не видели донесений о бедствиях на Севере. Если бы речь шла о военных происшествиях, их должно было передать военное ведомство прямо к высочайшему престолу.

Чжао Бинчжан немедленно поклонился, коснувшись лбом пола:

— Ваш слуга не смеет обманывать государя. Границы укреплены, и из Поместья генерала, защищающего государство, в столицу тоже не поступало никаких срочных донесений.

Он говорил уверенно, но его манжета слегка прижимала какой-то предмет.

Се Чанфэн обладал зорким глазом.

Это был уголок восковой печати, темно-красного цвета, похожий на сургуч срочного

донесения.

У него внутри всё ёкнуло.

Этот человек додумался прятать улики прямо перед императорским престолом?

Цзи Ушуан постучал пальцами по подлокотнику, и перед его глазами беззвучно проступили холодные письма.

[Запустить симуляцию?]

Мысленно он дал согласие.

[Первый день: ты поверил словам Чжао Бинчжана и не стал проверять Северные границы.]

[Седьмой день: три области Северных границ занесены снегом, пути подвоза продовольствия отрезаны.]

[Пятнадцатый день: число замерзших насмерть превысило двадцать тысяч, беженцы штурмуют приграничный город.]

[Двадцатый день: Поместье генерала, защищающего государство, оклеветано в утере позиций, Се Чэньчжоу попал в опалу.]

[Судьба Се Чанфэна повреждена, холодное бедствие отражается на столице.]

[Ты погибаешь от схода лавины в дворцовом городе.]

Цзи Ушуан посмотрел на последнюю строчку, и поднимающийся из глубины груди приступ болезни едва удалось подавить.

Снова смерть.

И снова смерть в снегу.

Он поднял взгляд, и его глаза остановились на манжете Чжао Бинчжана.

От такого взгляда у Чжао Бинчжана зачесалось между лопатками, но он продолжал упрямо стоять на своем:

— Ваше Величество, Северные границы издавна терпят бураны и метели, если открывать государственную казну из-за пары слухов, боюсь, это вызовет подражание в других местах. По мнению вашего слуги, сначала следует отправить людей для перепроверки.

Перепроверки?

Пока они закончат перепроверку, из трупов можно будет нагромадить горы.

Се Чанфэн, обнимая блюдо с лакомствами, медленно высунул голову из-за ширмы.

Ли Дэцюань испугался и поспешил преградить путь:

— Божественный Владыка, не нужно...

Се Чанфэн проигнорировал его, не сводя глаз с рукава Чжао Бинчжана, и невнятно пробормотал:

— Выпечка летит.

Едва слова сорвались с его губ, кусок финиковой пастилы из его руки полетел вперед.

Выпечка попала прямо в цель, шлепнувшись аккурат на манжету Чжао Бинчжана.

Чжао Бинчжан вздрогнул и инстинктивно попытался смахнуть ее.

От этого движения из рукава выскользнула половина военного донесения, обнажив четыре иероглифа: Срочная депеша с Севера.

Воздух в зале замер.

Напускное спокойствие на лице Чжао Бинчжана треснуло, и он тут же протянул руку, чтобы схватить бумагу:

— Ваше Величество, это обычная бумага, которую ваш слуга просто не успел подать ранее...

— Скрутите его, — холодно приказал Цзи Ушуан.

Императорская гвардия шагнула вперед, двое стражников заломили Чжао Бинчжану руки за спину и прижали к полу.

Чжао Бинчжан забился:

— Ваше Величество, ваш слуга невиновен! Ваш слуга лишь боялся, что масштабы бедствия еще не ясны, и это взбудоражит при дворе!

Цзи Ушуан сошел с императорских ступеней и лично поднял ту половину военного донесения.

Сургучная печать уже была срезана, а на краях бумаги виднелись заломы от спешного сокрытия.

Он развернул ее, и жажда убийства на дне его глаз стала еще темнее.

— В северных областях Шуанчжоу, Юньчжоу и Цичжоу двенадцать дней подряд идут проливные снегопады. Амбары рухнули, от холода погибло более десяти тысяч голов скота и коней, императорский двор просят срочно выделить продовольствие.

Лицо главы кабинета изменилось:

— Почему столь срочное донесение не поступило в кабинет министров?

Лоб Чжао Бинчжана прижался к полу:

— Ваш слуга лишь хотел проверить подлинность!

Цзи Ушуан больше не стал слушать его оправдания:

— Обыскать.

Гвардейцы прямо на месте разорвали верхнее ханьфу Чжао Бинчжана и из потайного кармана на внутреннем рукаве извлекли еще два приграничных донесения.

На одном было написано, что бедствующие люди штурмуют сугробы в поисках продовольствия.

На другом значилось, что продовольственные пути уже перерезаны, и если через пять дней не будет зерна, приграничный город погрузится в хаос.

Три срочных донесения лежали на золотом кирпиче, словно три пощечины, влебленные в лица всех чиновников в зале.

Се Чанфэн спрятался обратно за ширму и молча стер с рук крошки от выпечки.

Он ведь просто хотел, чтобы тот кусок бумаги показался наружу.

Кто же знал, что этот человек настолько смел, что умудрился спрятать сразу три.

Цзи Ушуан повернулся к Чжао Бинчжану:

— Утаил срочные донесения, затянул оказание помощи при бедствии. Ты хочешь, чтобы люди на Севере замерзли насмерть, или чтобы Поместье генерала, защищающего государство, взяло на себя вину за потерю позиций?

Губы Чжао Бинчжана побелели:

— У вашего слуги и в мыслях не было! Ваш слуга целиком предан стране, Ваше Величество не должен слушать наговоры и уловки порочной наложницы!

Цзи Ушуан ударил его ногой в плечо.

Чжао Бинчжан тяжело рухнул на пол и долго не мог подняться.

— Он бросил в тебя кусок выпечки, и у тебя из рукава выпало донесение. Гу хочет знать: если позволить ему кинуть еще парочку, что еще из тебя выпадет?

Некоторые из старых чиновников в зале опустили головы, не смея больше смотреть.

Чжао Бинчжан наконец запаниковал:

— Ваше Величество, вашего слугу просто ввели в заблуждение! Продовольствие на границах затрагивает слишком многое, если бездумно выделять зерно, казна...

— Государственная казна — это не кладовая твоего рода Чжао, — перервал его Цзи Ушуан. — Объявить волю государя: снять Чжао Бинчжана с должности министра военного ведомства и бросить в Имперскую тюрьму Цзяюй. Его поместье опечатать, а родственникам временно запретить покидать столицу.

Чжао Бинчжан распластался на полу, краски на его лице не осталось вовсе.

Цзи Ушуан посмотрел на кабинет министров:

— Откройте государственную казну, задействуйте зерновые амбары столичного округа, в течение трех дней собрать сто тысяч ши зерна, а вместе с ним отправить ватную одежду и лекарства. Кто осмелится затянуть — разделит камеру с Чжао Бинчжаном в тюрьме Цзяюй.

Глава кабинета сложил руки в поклоне:

— Ваш слуга повинуется воле государя.

— Кроме того, передайте Се Чэньчжоу явиться во дворец, — произнес Цзи Ушуан. — Пусть он возглавит доставку помощи с продовольствием, а местные чиновники по пути оказывают содействие. Кто осмелится перехватить зерно — арестовывать на месте.

Се Чанфэн за ширмой резко поднял голову.

Старший брат?

Он инстинктивно хотел подать голос, но тут же силой проглотил его, лишь продолжая сжимать блюдо с выпечкой и тихонько бормоча:

— Брат, выпечка.

Цзи Ушуан услышал это и бросил взгляд на ширму.

Этот голос был таким мягким и наивным, но почему-то заставил его вспомнить те двадцать тысяч замерзших насмерть людей из симуляции.

Внезапно он почувствовал раздражение.

Он ненавидел, когда Небесная судьба заставляет его что-то делать, но если сейчас не поступить так, погибнут простые люди, рухнет Великое Цянь, и оборвется его собственная жизнь.

Се Чэньчжоу прибыл быстро.

Молодой военачальник в черных доспехах опустился на колени, его спина была прямой, как струна:

— Ваш слуга Се Чэньчжоу приветствует Ваше Величество.

Цзи Ушуан швырнул ему под ноги срочное донесение:

— На Севере снежное бедствие, Гу приказывает тебе вести зерновой обоз на север. Если твой род Се посмеет потерять хоть единое зернышко, Гу спросит с тебя по всей строгости. Если кто-то посмеет посягнуть на твое зерно — принеси мне его голову.

Се Чэньчжоу дочитал депешу, суставы его пальцев побелели от напряжения:

— Ваш слуга принимает волю государя.

Когда он поднимался, его взгляд помимо воли метнулся к пространству за ширмой.

Се Чанфэн тут же втянул голову обратно, продолжая уплетать выпечку и притворяясь, будто ничего не понимает.

На дне глаз Се Чэньчжоу мелькнула боль, но он тут же подавил ее.

Снаружи донеслись звуки построения Императорской гвардии, приказы об отправке продовольствия один за другим вылетали за дворцовые ворота.

Меньше чем через час зерновые амбары столицы были открыты, и обоз с продовольствием собрался за городскими воротами.

Цзи Ушуан стоял на дворцовых ступенях, глядя, как Се Чэньчжоу покидает дворец по воле государя, но лицо его все еще оставалось холодным.

Ли Дэцюань тихо произнес:

— Ваше Величество, Божественный Владыка сегодня, кажется, испугался, не отвезти ли его сначала во Дворец Чанмин?

Цзи Ушуан только было собрался согласиться, как маленький евнух со всех ног бросился внутрь, его лицо было мертвенно-бледным.

— Ваше Величество, беда!

Ли Дэцюань гневно окликнул его:

— Чего ты паникуешь!

Маленький евнух рухнул на колени, его голос страшно дрожал:

— Из Дворца Чанмин передали весть: в вечернюю трапезу Божественного Владыки кто-то подсыпал медленно действующий холодный яд!